

И одна - моя - судьба: Воспоминания, раздумья, полемика

Малеевке я бесконечно обязан уже тем, что она подарила мне радость встречи с Галичем и Николаевым. А третьим подарком был Виль Липатов. Отношения с ним быстро стали дружескими. Липатов не был своим среди писателей Малеевки. Его преследовала дурная слава — дикий необузданный сибиряк, хулиган, алкаш. Писательские жены смотрели на него укоризненно, иногда с ужасом, иногда — через этакий снисходительно-иронический прищур. И в самом деле, не раз бывало дикое, несуразное. Вдруг чем-то раздражённый, в одном купальном халате, он выскакивал в коридор и грозным ором нарушал малеевское благочиние. А дежурная санитарка бежала за мной, и он всем своим грузным весом падал ко мне на руки и успокаивался, отрезвляясь, уходил в свою комнату. Что же сблизило нас, таких разных — и по возрасту, и по жизненному опыту?

Какую-то роль сыграло то обстоятельство, что Виль заметил в журнале «Сибирские огни» (1969, № 1-2) мою статью «Невыдуманные проблемы», в которой я очень высоко оценил его повести о Лиде Вараксиной, о сельском милиционере Анискине, наконец, о директоре Прончатове. Я писал, завершая эту статью: «Фёдор Анискин, Лида Вараксина, Олег Прончатов — на первый взгляд совсем разные люди. Крепкий шестидесятилетний сибирский мужик, словно воплощающий в себе устойчивость и основательность крестьянского бытия; сельская комсомолка, влюбившаяся в городскую культуру, до подлинного смысла которой она еще не добралась; высокообразованный инженер, подлинный представитель научно-технического прогресса — так решительно отличаются заглавные герои трех почти одновременно написанных повестей В. Липатова.

Можно подумать, что художник разбрасывается, ищет свою тему, свою сферу исследования жизни. На самом же деле в этом внешнем разнообразии — очевидная последовательность. В. Липатова волнует процесс рождения героя, рождения новых человеческих характеров, процесс, невозможный без преодоления слабостей и ошибок и, главное, требующий немалого мужества. Болезни роста и радость преодоления этих болезней одинаково свойственны и многоопытному милиционеру, и наивной просветительнице, и могучему Прончатову. В литературе сегодняшнего дня духовное выпрямление человека, его борьба с собственными нравственными слабостями, великое счастье победы в нелегком поединке с самим собой — тема бесконечно важная. Интерес к книгам В. Липатова в этом свете понять не трудно». Были у меня и другие работы, в которых я достаточно четко и сочувственно раскрывал нравственный смысл творчества Липатова.

Прочитую начало еще одной обобщающей статьи. «Виллю Липатову только-только исполнилось восемнадцать лет, когда пришел долгожданный День Победы. Ему не довелось узнать дороги войны, зато он стал свидетелем и участником великого трудового подвига, который обеспечил послевоенное восстановление страны. Наверное, этим и объясняется единство его творческих пристрастий. Тема труда и образ труженика — в самом центре произведений Липатова.

Его герои — шоферы и трактористы, сплавщики и лесорубы, строители и речники. Он пишет о них постоянно и в то же время не повторяясь, пишет очень достоверно, не пытаясь спрятать даже их человеческое несовершенство и в то же время не скрывая своей влюбленности в них. Пожалуй, самое явное свойство таланта Липатова — отличное знание самых разных человеческих характеров. Он создал уже целый мир, насыщенный людьми, резко отличными по возрасту, профессии, склонностям и желаниям. И размеры его художественного таланта очевидны уже потому, что ему одинаково понятны предсмертные переживания старого большевика Егора Ильича Сузуна и первые любовные тревоги вчерашней школьницы Раи Колотовкиной. Характеры липатовских героев предстают во всей их сложности и жизненной емкости, ибо они проверяются участием в острых социальных конфликтах.

Герои Липатова — всегда борцы, всегда герои. Они проходят десятки километров зимнего бездорожья, тонут в ледяных реках, мерзнут и голодают, ибо вокруг них неизменно суровая, неизменно опасная северная природа... Они сражаются с ложью и карьеризмом, с унаследованным от прошлого по-волчьим жестоким стяжательством, с тупым обывательским равнодушием. И, наконец, важную роль в судьбах липатовских героев играет борьба особого рода — с собственными душевными слабостями, с нравственной неустойчивостью. Чаще всего эти три типа конфликтов переплетаются, как и самой жизни. К тому же победа над собой требует зачастую не меньше мужества, силы воли, чем преодоление внешних преград. А в конечном счете, пройти ради общего дела сквозь пургу и разливы рек, не щадя себя ни секунды, способен только чистый и цельный человек, в котором героическое и нравственное неразрывно сливаются.

Виль Липатов немало наблюдал таких людей в долгие годы странствий по Сибири, и теперь со страниц его повестей, они, приходят к читателю, согретые теплом авторского сердца».

Конечно, Липатов ценил мое понимание его творчества, но главным в возникшей между нами обоюдной симпатии все-таки было другое. Виль смутно помнил отца — его арестовали, когда будущему писателю было лет десять. Но он нежно и трогательно любил свою мать, мудрую еврейскую женщину, которая провела вместе с сыном долгие годы ссылки на самом крайнем сибирском Севере. Арест и гибель отца были трагедией, которую Виль очень остро переживал как одно из безумий и преступлений сталинского режима. Во мне он видел человека, в какой-то мере повторившего судьбу отца. Я должен был часами удовлетворять его интерес к истории сталинских репрессий. С дотошным любопытством прозаика он требовал подробностей о тюремном быте, о каторге, об уголовниках. Его особенно волновал вопрос: неужели находились следователи, которые верили вынужденным показаниям, считали свои дела граждански и морально оправданными? «Почему они не гибли от угрызений совести?» — упорно спрашивал он меня, и очень радовался, когда я вспоминал, что хоть и нечасто, но встречались и такие трагедии. Сам он страдал таким тяжелым заболеванием, как депрессия, и был убежден, что она рождается как отклик на трагическую ложь нашего времени.

Впоследствии он напишет роман «Игорь Саввович» — о человеке, страдающем депрессией. Этот роман приобрел особое значение в наших отношениях, он их своеобразно завершил, и поэтому о нем позднее. А пока вернемся в Малеевку. Там каждый день начинался появлением Виля в моей комнате. Это происходило всегда рано, в пять-шесть часов утра. Он спал хуже меня, вставал первым и весело исполнил обязанности будильника. Если я приезжал вдвоем с женой, он возникал неслышно и шептал пушкинский призыв: «Пора, мой друг, пора!» Если я был в комнате один, то эти слова звучали озорно, мажорно. И мы отправлялись на долгую прогулку по окрестным лесам. Было еще прохладно, воздух бодрил свежестью, и нам обоим очень хотелось жить, радуясь жизни. Всякое творилось кругом, и у нас возникали разные тоскливым темы: дела международные, подхалимаж, первые признаки мафии. Виль как сотрудник «Правды» участвовал в разоблачении «дельцов». Но вот такой сложный характер складывался у Липатова: он отлично знал мрачные стороны жизни, приходил в отчаяние, произносил гневные речи и... пытался сохранить свою веру в идеального человека. Когда терял эту веру — начинался запой, депрессия цепко держала его. Но потом неизменно происходил поворот — мой оптимизм отвечал каким-то важным внутренним его качествам. Когда люди, избалованные жизнью, бросаются громкими фразами, легкомысленно повторяют: «Жизнь прекрасна и удивительна», — то грош цена такой лжерадости. Виль очень не любил и казенный, и телячий оптимизм. Другое дело — уверенность в будущем, если позади шпицрутены и муки, не сломившие тебя унижения, коротко говоря, «каторжная благодать». В этом отношении нас очень сближали и биографии, и оценки.

Стоит особо отметить, что у Виля была очень ранимая, нежная душа. Каждая наша прогулка кончалась тем, что мы возвращались в главный санаторный корпус, подходили к телефону-автомату, и он звонил матери. «Мамочка, — говорил он с такой лаской в голосе, словно это был не взрослый крепкий мужик с ободранной в кровь душой, а все еще робкий

сибирский мальчик. — Мамочка, у меня все хорошо. Я долго гулял, я хорошо себя чувствую». И я угадывал, как на другом конце телефонного провода одинокая старая женщина успокаивалась и принимала эти тайные признания в сыновней любви. И какие материнские благословения слышал он в ответных репликах.

Вспоминая Виля, грешно не вспомнить его первую жену Александру Владимировну. Своим выстраданным романтизмом, своей безграничной верой в человеческое благородство он был во многом обязан ей. Виль рассказывал, что Саша была любимой ученицей матери в том далеком сибирском селе, где пришлось ей учительствовать. Она в самом деле очень любила невестку, а когда впоследствии в жизни Виля начались любовные зигзаги, мать решительно сказала ему, что останется с Сашей. И ведь не ошиблось материнское сердце — Виль вернулся к своей первой любви.

Малеевская дружба, возникшие там взаимопонимание и доверие выразились под конец в том, что Липатов, публикуя в «Роман-газете» один из самых сложных своих романов «Игорь Саввович», выдвинул неперемное условие — в книге должны быть написанные мною развернутые комментарии. Вскоре он умер, но в редакции решили выполнить его волю. И вот передо мной встала очень трудная задача. Заговорить ли о связи автора и героя, можно ли это делать без совета с Вилем, без его согласия? Тогда я не рискнул на прямой, резкий, откровенный разговор. Делаю это сейчас. Мое послесловие по тем временам (1980 год) считалось хорошо написанным, вызвало благодарные читательские отклики. Перечитывая статью сейчас (1990 год), ясно вижу и некоторые ее достоинства, и, к сожалению, неполноту, недоговоренность. Прочитую наиболее значительные абзацы своего старого сочинения.

«Читая роман, нельзя не заметить открытых симпатий Виля Липатова к Игорю Гольцову. Умная, образованная и красивая женщина Рита Хвощ говорит Игорю: «Ты самый лучший... ты лучше всех... Наверное, потому, что не жаден до так называемого массового счастья — жратвы, питья, баб...» Роман убеждает, что Рита права: мещанская потребительская агрессивность чужда Игорю Саввовичу. Он бескорыстен, принципиален, внутренне чист, всерьез озабочен высокими раздумьями о смысле жизни. В то же время именно Гольцова считают ловким карьеристом и даже называют «милым другом» образца семьдесят шестого года. И самое печальное — это не пустое злословие. Есть в нём и кривизна, и раздвоенность. Не каждый должен знать истину, разгаданную его любящей женой: «Это не твоя вина, а твоя беда». Ущербность, противоречивость характера и судьбы Игоря в самом деле обернулись большой бедой и для него, и для его близких. Смерть талантливого ученого и блестящего производственника Валентинова, крушение кристально честного, преданного долгу коммуниста Карцева — вот, в конечном счете, цена, которую общество заплатило за беды и слабости Гольцова.

Но кто-то все-таки виноват в этих бедах? В чем первопричина тех печальных событий, которыми завершается роман? Последовательным развитием сюжета Виль Липатов отвечает на этот вопрос гневно и убедительно. В основе всех несчастий — ложь, стремление искать кривые обходные дорожки. Вспомните последние слова, которые Игорь произносит в романе: «Мама, как же это случилось, мама?.. Ты ведь этого не хотела, мама; ты не могла этого хотеть...» Мать Игоря — вот кто создал всю эту чудовищно фальшивую ситуацию, вызвавшую и болезнь сына, и смерть его отца Валентинова. Публицистический пафос и смысл романа раскроется только тому читателю, кто задумается над особенностями характера этой женщины — любящей матери и большого ученого Елены Платоновны Веселовской.

Всё началось с того, что, любя Валентинова, она вышла замуж за Гольцова, ибо профессор-хирург показался ей перспективнее лесного инженера. Та самая Елена Платоновна, которая требовала от сына быть правдивым во всем и объявляла, что считает ложь самым тяжким преступлением, на самом деле всю жизнь лгала. Она не признавала голоса сердца, подчиняла свою жизнь эгоистической расчетливости, внешним карьерным соображениям. По-

своему заботясь о сыне, оберегая его от жизненных трудностей, она взвалила на его плечи непосильную ношу, навязала ему двойную, несправедную и потому губительную жизнь.

Роман раскрывает внешне неожиданные, а, по сути, закономерные следствия ее позиции, ее ложной материнской заботливости. Протекция лишает Игоря самостоятельности, творческого отношения к делу. Незаслуженные привилегии превращают его в бездельника, отнимают интерес к работе, а, следовательно, и к жизни. Врачи не могут угадать истоки его болезни. Даже мудрейший профессор Баяндуров с трудом понимает ту парадоксальную ситуацию, в которую попал Игорь Гольцов. ...Виль Липатов много, даже назойливо пишет об уме и красоте Елены Платоновны, он вообще нарочито акцентирует внешние достоинства некоторых своих героев, которые затем оказываются вовсе не безупречны. В броском и эффектном изображении этих масок, а затем в мучительном обнажении подлинных лиц — самая суть романа, самая важная и тревожная мысль писателя. Винить в наших бедах надо, прежде всего не мелкое и открытое зло, воплощенное в мошеннице Голубкиной или рецидивисте Фалалееве. Опаснее люди с двойным дном, и в романе мы видим их самые разные обличья. В этом ряду и управляющий трестом Николаев, бездельник, спекулирующий своими былыми ранениями, и интриган Татищев, и демагог Старков. Сто очков вперед дает всем этим фальшивым, лживым людям, лицемерам, приспособленцам, блатмейстерам очаровательная Елена Платоновна. Гиперболизация здесь вполне оправдана, ибо вызывающе подчеркивает то зло, которое она причинила и Валентинову, и сыну, и обществу.

Финк Л. А.